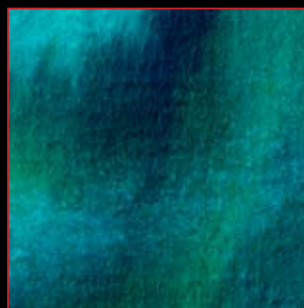
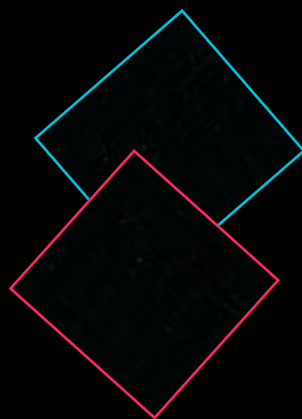
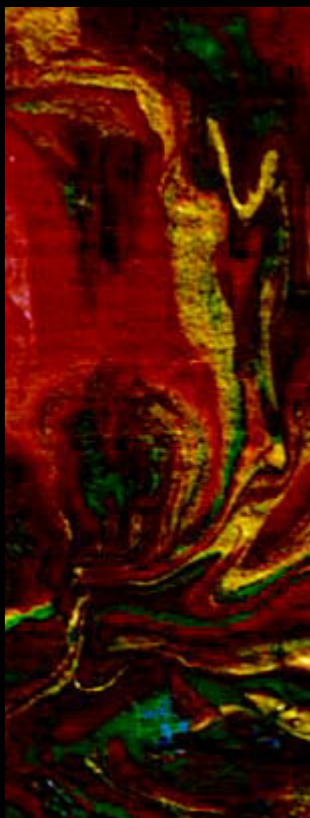

ЗНАКИ ВЕТРА

ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ЗНАКИ ВЕТРА

5

апрель 2011

Иерусалим и окрестности

Куратор проекта – Фаина Колодная
Координаты для связи:
fainak@mail.ru

Составитель
Владимир Тарасов

Художественное оформление – Ф. Колодная

Техническая поддержка – Г. Ковальский

Содержание

Владимир Тарасов 4

Поляна Волишебства. Заметки

Илья Бокштейн 9

Неизвестные стихи

Алекс Гельман 17

Вещь

Тимур Зульфикаров 21

Избранные афоризмы

Владимир Тарасов 29

Из двух книг

Ярослава Фаворская 51

Стихи разных лет

Лена Рут Юкельсон 59

Четыре стихотворения

От редакции 62

Памяти Майи Каганской

ПОЛЯНА ВОЛШЕБСТВА

Похоже, лирическая поэзия на сегодня является одним из последних бастионов мифологического сознания. Вторым исходным положением наших заметок будет следующее: утверждение себя в мире – главное усилие лирического поэта. Помимо этих двух придётся затронуть и иные темы. Взялись.

«Смерть автора» – мрачное блуждание впотьмах. Нулевой стиль – прерогатива бледной академии и новостных порталов. Кто-то будет лишать меня права на авторскую экспрессию, на отношение и акцентировку этого отношения, на оценку окружающего мира!? Те сразу же отсеять часть словаря, исключить богатейшее побережье на острове Эпитета из зоны интереса?! Если он такой скромный (и расточительный), пускай сам и молчит. Да и предположить, что поэт никак не относится к тому, о чём пишет всю жизнь, просто невозможно. Текст сам за нас говорит при условии наличия поэтики. Поэтика выдаёт меня (автора) с ушами и сердцем вместе, но тогда уж пусть выдаёт меня, а не какой-то манекен! Интересен здесь ракурс: растворение автора в замысле, а не исчезновение. Но и это – снова о поэтике. Своей, не заёмной. Слова не только хранят отпечатки пальцев, у мастера слова обретают черты лица. Симбиоз поэтической речи таков. Обсасывая чужое «высказывание» лирика зачахнет, пародия – паразитизм, в итоге. Пародия – оглядка. На пародии лирика далеко не уедет – не мотоцикл. Проза уедет дальше. Точнее, уже уехала. Впрочем, я не желаю в это вникать.

Эпос душевных переживаний – вот что есть лирика. Этим жила и продолжает жить и дышать поэзия. Однако душа не только чувствует или предчувствует, ей свойственно и размышлять. «Мир» и «Я» – извечное поле препирательств и бессменный источник вдохновения.

Лирический поэт рано или поздно сталкивается с неразрешимым: проблема в том, что лирика **монологична** по своей природе. Она фактически является проводником авторской деспотии, иному быть не дано. Мы ведь не сценарии пишем, мы не режиссируем, проза не наше дело, короче – лирик ограничен куда сильнее, чем принято считать. Примеры *дискурсивной полифонии* для лирика – случай

редкий и не всегда ясно насколько убедительный в сравнении с внятным голосом идеологического протагониста, в особенности это касается больших форм. Театрализация модным запросам разногласия *контрапункта* не помогает, наличие авторской философии для лирика это возможность высказывания плотного и недвусмысленного, и не каждый такой возможностью пожертвует ради сомнительных лавров «прогрессивного» релятивиста. Писатель же, беллетрист, находится в не столь неловком положении: в рамках одного произведения действуют несколько персонажей, у каждого свой «мир», они – суверенные носители голоса. Может быть, поэтому Станислав Лем устами одного из героев лирику приговорил к смерти в обозримом будущем. Чего, правда, не произошло.

Состояние важнее отношения в лирике. Под видом фиксации мира проявляет себя высказывание о нём: рано или поздно современность провоцирует персональное отношение, нам навязывают диалог, хотим мы того или нет. Однако одного лишь суждения-высказывания недостаточно, поскольку лирика стремится остановить дыхание твоё, читатель, остановить твой мир. *Суждению* этого не дано, ему дано взбаламутить персональный мир, на что любой азеф способен, но не остановить. И вообще: не всё, что громко – верно. Лирика интимна, но суггестивна по своей сути не меньше, чем современность...

Поэзия – ни что иное, а материализация грёз. Сколь содержательна доля созерцательного начала в дисциплине Поэзия мы, пожалуй, даже обсуждать не будем. Всё остальное – драматургия. Чтобы себе не надоест. Раз и так ясно, что состоянием ограничиваться грозит скукой. Я позволю себе здесь иллюзорное противоречие – оно развеивается в условиях динамичного равновесия. Что есть синтез, в данном случае. Ведь речь об организме, произведение должно жить.

Художник → воля к красоте → волшебная изменчивость последней → формы жизни → метаморфозы. Стоит ли вспоминать здесь Овидия? Наверное, стоит. Овидий в своей поэме показал, среди прочего, чем занимается (а ещё точнее: чем должна заниматься) Поэзия.

Тогда представим это же в другом виде, не стесняя себя некоторой дешифровкой и использованием семантики аналогий. Поэт → неутолённость духа, пребывание его в положении всегда жаждущего → магия творчества → формы состояния → преобразование.

Карнавал \\\ ритуал. Извечная оппозиция. Ритуал созидателен по своей сути, он – поддержка устоявшегося мифа Космоса. Ритуал взывает к свершению Красоты мира. В частности, к обновлению природы (впавшей в зимнее оцепенение), тем самым, утверждая закономерность явлений. Ритуал заключает в себе строгое признание осмысленности мира, последовательности его видимых превращений, и понимает неизбежность предусмотренного и необходимость иерархии.

О карнавале после Бахтина распространяться нет нужды, полагаю.

Вкус это тактильные способности интеллекта. Поэтика касания имеет здесь свои права и открывает более широкие возможности обозначению, через случайное именование во время пробега, но в принципе она ощутимо ограничивает круг задач: мне уже недостаточно лишь коснуться, как оно было 15-16 лет назад, во время создания «Чувства пятна». Теперь нужен прорыв. Заводить в связи с этим речь о темпераменте мне кажется отговоркой. А о правах слов – вполне естественным. Например, о правах имён прилагательных. Или наречий. А ещё лучше: о правах и обязанностях имён прилагательных. Или наречий. Ах! Междометий тоже. Вкус таит в себе нечто большее, чем «интеллектуальное касание», так или иначе вкус оценивает, распознавая. И отмечает, среди прочего. Вне зависимости от идеологической подоготки. Собственно, сама внутренняя динамика развития произведения интересует нас несравненно больше, чем гантели идейной нагрузки. Прежде – заморозь меня, а потом разберёмся о чём и почему. Освоить стиль – это не так много, скажут. Рассказать о мире не менее важно, а то и более, добавят. Но ещё важнее, скажу я, мир продемонстрировать. Потому стиль необходим. Того требует вкус.

Вершиной чаяний поэта и его достижений я бы назвал *волшебство*. Это высший поэтический императив. И хотя феномен волшебства опишем лишь приблизительно, с помощью этого термина ряд положений легче прояснить. Для поэта отношение к собственному произведению, в частности, имеет сакральное облачение. Не говоря уже о самом творческом ритуале, ритуале «вызывания» стиха, его высвобождения из небытия. Тут мне было бы удобней тормознуть на теме композиции, монтажа, следовательно, комбинационного искусства, но боюсь, придётся обратиться тогда к различным ремесленным вопросам обработки деталей, и мы сразу соскользнём в область технологии. Но если вдуматься – технология загадочна и фантастична.

К вопросу о синтетизме: не тяготясь имманентным присутствием иррационального, я предлагаю понимать волшебство, как некую тайну синтеза. *Непринуждённость непредсказуемого волшебна*. В результате же она есть преодоление «порочного» ущербного качества, овладение видением целостного, в противовес рефлексии над раздробленностью. Синтетизм универсален и, нравится оно кому-то или не очень, несоизмерим ни с чем по сумме несомых в себе инвариантов интерпретации. Выше уже было сказано: непредсказуемость и удивительная лёгкость, не натужное ЕСТЬ, хотя не очевидно, что должно быть. К сюжету, к отчаянному нарративу она, наша лёгкость, имеет меньше всего отношения, мы – о лирике. А это – непочатый край сочетаний. Причём, на различных принципах строящихся. Но строго определить границы синтетизма мне представляется задачей невыполнимой. Не философская система никак, зато эффективная методология на различных этапах развития художественного мышления, синтетизм *экономичен*, в этом его волшебство.

СКАЗАТЬ КАК НЕЛЬЗЯ – единственно приемлемый ответ на одно из последних вопрошаний великого Беккета. В самом названии журнала ЗНАКИ ВЕТРА – стоит вслушаться – манифестация

синтетизма. Синтетизм это приключение речи. Что и должно стать справедливым относительно поэзии вообще.

А если вспомнить с чего мы начали: понимание целостности предусматривает приятие мистического мировоззрения в качестве фундамента, а значит – приятие смерти. Точнее, вечности, ещё точнее, личного бессмертия. О да, никому не отвертеться от ответственности. За дело надо отвечать.

Две главных темы лирической поэзии: Любовь и Смерть. Между ними наиболее ёмкой темой может вклиниться только тема испытаний. В разных ракурсах – от насилия до страдания. От борьбы до смирения. Это всё вариации. Даже эпика войны там, внутри. Я не о том здесь. А о том, что экстремумы этой амплитуды осветить как никто – о Любви и Смерти небывало! – это достойный вызов. И вот тут что-либо новое по-настоящему АКТУАЛЬНО для искусства. Всегда. И ещё кусочек: линейное мышление враждебно поэзии. Но самый главный наш враг – средний вкус!.. Рифма вообще не показатель ни *пения*, ни поэзии “*блуждающего бормотания*”. И никогда не будет. Зарифмовать – ещё не петь. Отнеситесь к этим словам напрямик.

Коснёмся, наконец, волнующей темы магии. Раз уж о волшебстве шла речь. Оба понятия одной категории, волшебство является пиком магии. Но они не синонимы, если строго взглянуть на дело. Магия – это работа, а волшебство – удачный её результат. Однако этой, весьма поверхностной дефиницией, не ограничивается различие между ними. Волшебство не терпит «планов громадьё». Тем не менее, оно тотально. И «равноправие коров» его не интересует. Тем не менее, оно щедро и справедливо. Оно для всех, при этом никому себя не навязывает. Волшебство целительно по сущности своего воздействия, оно есть: *ВОТ преображён твой мир*. Не спрашивая себя «зачем?», не рассчитывая ни на что, бескорыстно. Так ведёт себя Искусство! Красота себя раздаривает. И ИНЫМ СЛУЖЕНИЕ ИСТИНЕ БЫТЬ И НЕ МОЖЕТ. Я надеюсь, тезис «ПОЭТ служит ИСТИНЕ» всем коллегам понятен. А что именно истиной называть – вопрос из другой области.

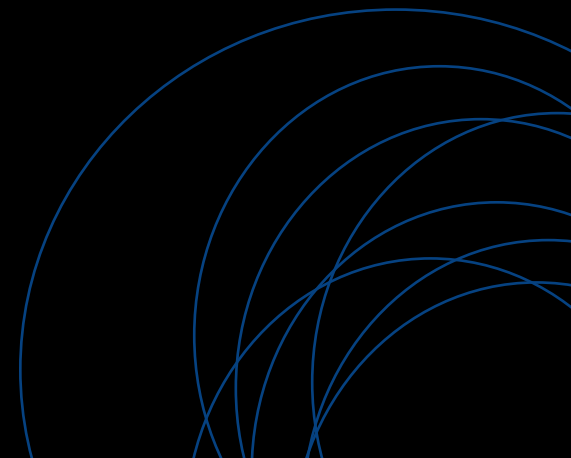
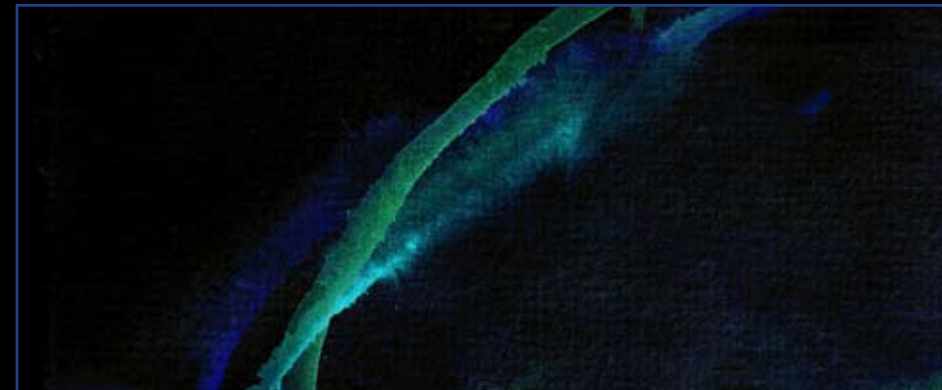
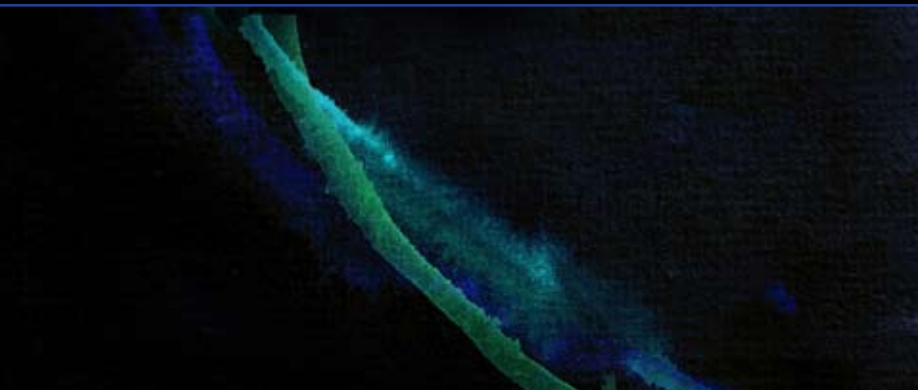
Поэзии хорошо знакомо *волхование магии*, что вроде бы ни у кого не вызывает сомнений. Но знакомо ли современной лирике *волшебство*? В самом понятии волшебства скрыта самая высокая цель: не просто заморозить, а ещё и переродить. Волшебство заказывает духовный рост в той же степени, в какой заказывает его СЛОВО. Происхождение которого – Волшебное. О чём поэты должны знать. А читатель – хотя бы догадываться.

январь-февраль 2011

ИЛЪЯ БОКШТЕЙН

(1937-1999)

Неизвестные стихи

мимма-75

моя страсть
переросла обоих
разве я в ней виноват?
к ране
нестерпимой боли
присосался рай пчелят

Пусть новый лик меня найдёт
Безумием бывшего
Как забывает ветку плод
С землёй сроднившись снова.

*мимфы **

Взаимоясность бытия и смерти –
отраженье далёкой ярости

СМЕРТЬ

Тоска
Томле-
нье
Сон
Подсту-
пы
К ступ-
не

моё бескрылое плечо укроет
тепловолосыми вопросами коса
трепещет под тревожной теплотою
такая чистая мелодия
словно цветок ощутил
у пчелы человечьи глаза
у сосущей цветущей пчелы

* *мимфа* – микропоэма; мимолётная нимфа мифа (из авторской рукописи).

Страшный Суд

(микропоэмы из
Исторической Фантазии,
фрагментарно)

Пусть покинет меня свет
Пусть забудет меня люд
Пусть оставит меня Бог
Пусть видения убьют

Разве я в сокровенном обманут?
Ум склонился к подножью мечты
Она смотрит седым великаном
Она видит себя на экранах
Истуканом чужой красоты

я выразил время своё лучше всех
оно меня мнило безвременным
я боль его вынес, как совесть свою,
как предчувствие всех, как грядущего эхо
оно же меня обсуждало потом – смехом
потомки считали меня оппонентом
минутной ошибки местной

самопознанием
счастлив не будешь,
я соединился с Вечностью
и увидел свое отраженье
в воде
в виде холодных
сцепившихся
чудищ

Ангелоглазый крокодил
молюсь изнанкам озарений
зачем я – новое рожденье?
я в старом бесконечным Был.

О, если б знали вы страдания живых
Вы не размышляли бы, а умерли
Вошёл я в холодный стих
Там ещё тлели страстей моих угли

масштаб комедии до мелочей продуман
любая смелость мне покажется свободой воли,
но если избежать
трагедии судьбы предназначенья
история меня не обессмертит
и в судьбе потусторонней конец мой
будет равносильен здешнему забвению

поэма совершенства

спокойна, словно торс
слепой Богини
Любовь, отверженная,
мыслящая вдруг
и только тянутся куда-то
исступлённые, немые
обрубки рук.

Небесновыменно завыл
Невольничек невестки-воли
Блестят футляры сатаны –
Фуражки на футбольном поле

Неожиданная, прекрасно «прописанная» версия стих. «Совершенство». Ср.: ошибочная версия – Илья Бокштейн. Фантазия страстей (Избранные публикации). Изд. 2-е. Иер., 2010. См. также антологию «У Голубой Лагуны» К.Кузьминского и альманах «Мулета» Б. (Сост.)

В посмертном издании «Фантазия страстей» стихотворение припечатали к «Гамлету» (с.85) напрасно. Илья отделил эти четыре строчки от предыдущего, что в прижизненной книге «Блики волны» видно. Виден также разный нажим пера, само стих. фиксируется характерным авторским значком, чего не происходит со стихами на той же странице фантазии «Гамлет». Более того: анахронизм в стихах явный, какое футбольное поле, когда речь о Гамлете?! (Сост.)

Алекс Гельман

Вещь

Вещь

в грибах отдохнем пока память не опередила
слов (больше) –
твой приют –
что речь? –
одно – радостно
не от ума любовь-заросли
наспех в заросли

эбонит с гнезда
тело зря не палит

поволока-кора (изливая аминь)

Я придумала тебе название прикинь
мытарь-поводырь
(джойстик аленький)
пал жертвой очередного просмотра рукописи
плод (не вопрос)

ошеломлен и втайне дорог
спросонок-поиск-ключ-альков
кровь не болит и ясень у окна
влюбленный грунт и ясень у окна

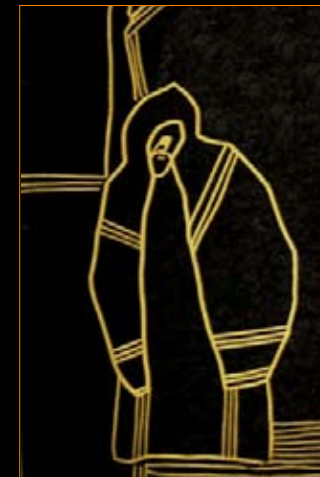
отходит скажи-не дальше простуды
пройтись напишу
тело палит зря
вещь напропалую

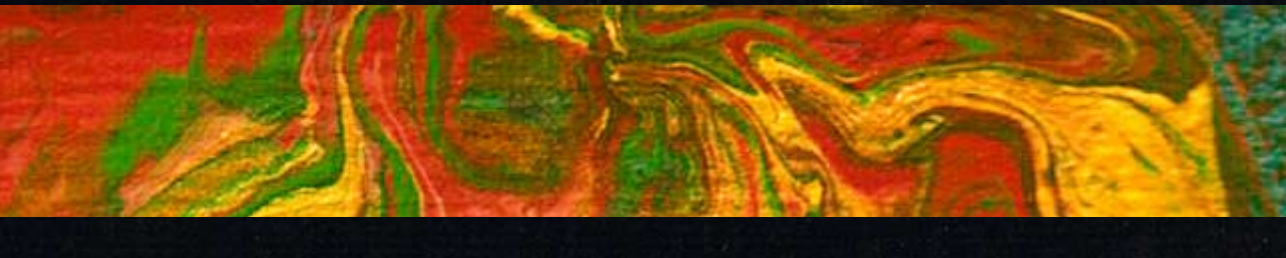
завозился в саду?
чьих страстей целина?
купить эту землю?
и почему Я так напуган словом он
когда твои не прерывая веки
облатка-лирика
кто ангел-адресат?
ломайся сладкий и еще
глазурь – дрессура

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

ИЗБРАННЫЕ
АФОРИЗМЫ

Из произведений разных лет

* * *

С одиноких цветов пчела собирает самый терпкий мед.
Так глennyй яд одиночества претворяется в златой мед вечной мудрости...

* * *

Река течет только для глупцов, для мудрецов — она стоит...

* * *

Смех — это молоко. Мудрость — это мясо.
Корова много раз даёт молоко, но только однажды — мясо...

* * *

С глупцом говорить — что воду пилить...

* * *

Мудрец — это остывший поэт...
Пророк — это разгневанный Мудрец...

Избранные афоризмы

* * *

Слово в саван не обернешь...

* * *

Поэзия и старость несовместимы, как конь и черепаха!..

* * *

Великая литература презирает читателя, как Эверест — простого пешехода!..
Только двадцать альпинистов восходят каждый год на Эверест!..
А на Вершину Поэзии — еще меньше...

* * *

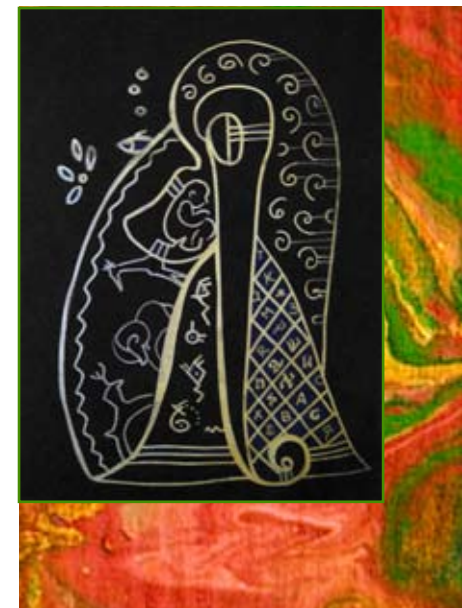
Поэт — это парус, а парус алчет только ветра...

* * *

Любовь — это золото нищих и вино трезвых...

* * *

Жена — это гнездо.
Муж — это ветер...
Сильный ветер треплет гнездо...
О, Господь! Блаженны Твои Ветер и Гнездо...
Да жаль птенцов...

* * *

Женщина в любви всегда забывчиво слепа, темна...
Но муж чует опасность, даже пребывая в гонной, пенной страсти...
Жена — водопад, муж — камень...

* * *

Молодость — быстротекущее время
Старость — мимотекущее время
Вечность — всеотекущее время, но вечности нет без смерти...

* * *

Архитектура — это бессмертие рабов...

* * *

В стране рабов — и Смерть — невольница...

◆ ◆ ◆

Ходжа Насреддин сказал:
— Вода, воздух, огонь, глина — тесто бытия.
В одном человеке больше глины — и он тянется к земле, в другом — более воды
— и его влекут океаны, в третьем — много огня, и он алчет войны...
Во мне более ветра кочующего — и я, пустынный, вселенский сирота, бреду по
цыганским дорогам странствий... по народам и языкам...
Кто знает пути ветра?..

* * *

В таджикских горах — где реки бегут хрустальные, учуяв исход близкий, надо
радостно бросаться в воды кружевные и плыть напоследок в этих кружевах-
хрусталях, раскинув на прощанье вольные, уж не твои — а уже реки — руки да
ноги, да пить прощальные, первозданные, ледяные, голубые хрустали.....
Пить, пить — и чтоб они покрыли, упоили, упокоили тебя...
Я хочу умереть в хрустальной реке...
Я хочу стать рекою...
Надо и смерть сделать последним великим наслаждением...

* * *

Когда рассыпаются звёзды — в реках песок прибывает,
Когда палых звёзд множество — пустыни тогда насыпаются...
И потому верблюды звездопады любят...

* * *

Когда караваны встречаются в пустыне — люди радуются, а верблюды плачут,
ибо они мудрее человек и чувствуют вечную разлуку...

* * *

Чабаны-пастухи говорят, что в зрачках овец и волкодавов всегда в ночах
пляшут волки!..

* * *

— О, мудрец, что нежнее всего на свете?
Перспелый исфаринский персик?.. Дитя новорожденное молочно дремлющее
в снежной безвинной гахваре люльке колыбели?.. Губы и груди возлюбленной
в дремной утренней постели?.. Крылья пыльцовых живожемчужных,
живомучнистых бабочек, очнувшихся в апреле?
— Персты матери, бродящие по сыновнему темени...

* * *

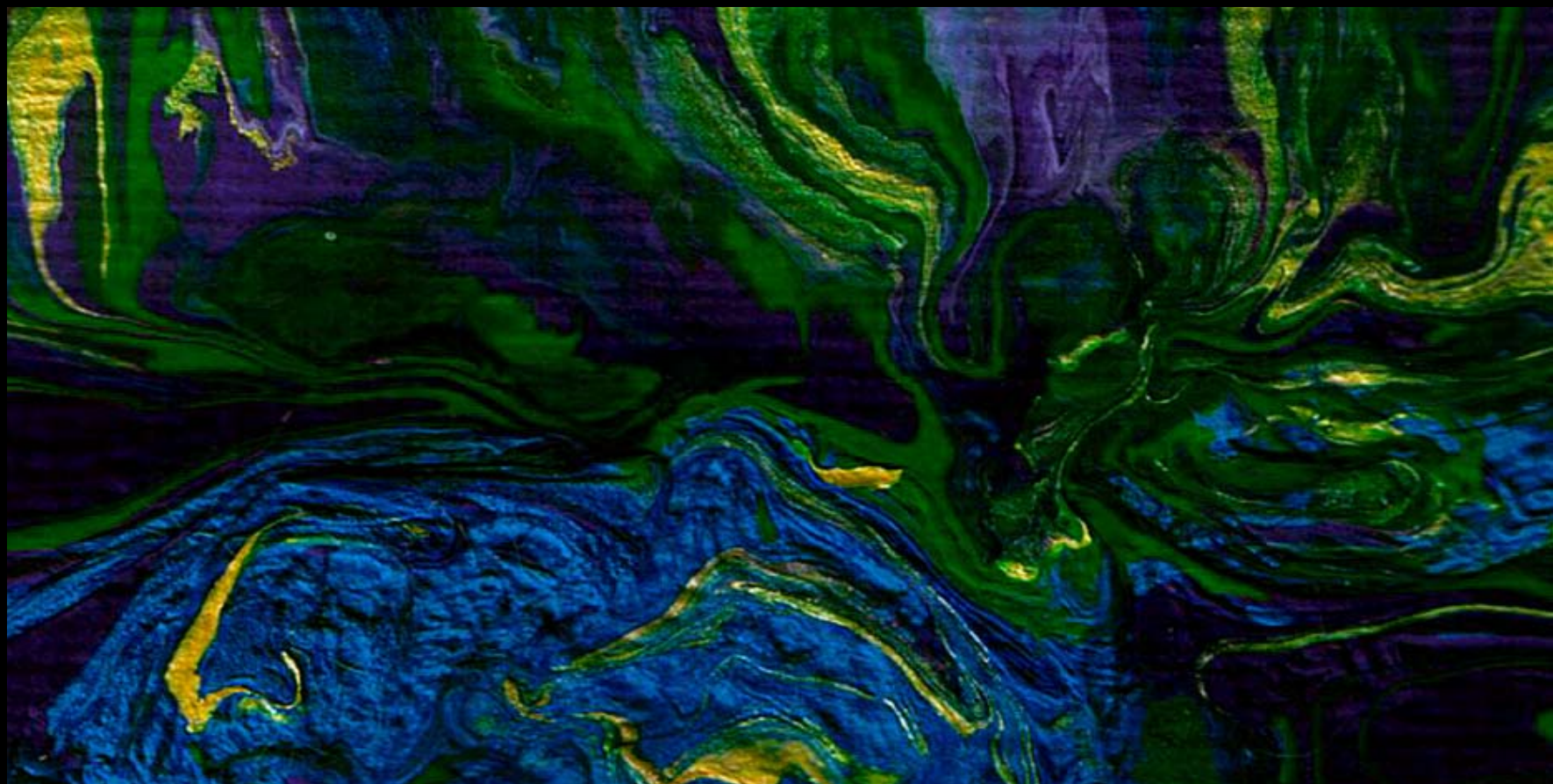
Верховный Архитектор Древнего Египта жрец Инени сказал:
— Девство Девы, Чистота Человека — выше всех Династий! Выше всех
фараонов!..
И всех богов!
И выше, необъятней всех пустынь!..
И выше, вечнее всех Времен!..
И выше самой жизни!..
И выше самой смерти!..

Но не выше моих Пирамид!..
И зарыдал... потому что любил царицу Хатшепсут больше Пирамид...

ВЛАДИМИР ТАРАСОВ

ИЗ ДВУХ КНИГ

ДРУГУ

<...>

орнамент забормотан в умат
сам вразброд –
отговорили его у смерти,
не испытывай умерки
прививку паяй!

◇ ◇ ◇

незанятость прошлого (парадокс) –
заполняй теперь бредом укушенного
крови прорезь железные сгустки
водки гулкой горбатые чувства
понемногу и
невпроворот

лёд на севере в глазах и полтинники радугой –
радуйся юга поэзии
лепету радуйся трепетному
бедности своей и праздности

не отнять у крыш роскоши рассветов
не отнять необъятности неба
шелеста листвы не отнять у ветра
ласки не отнять у родниковой влаги

долг путь был графита дотошного,
но дознался волшебного прошлого
в царстве масок от слова алмазного –
вот и день веселит, вот и праздную...

ПАМЯТИ П.Я.ЗАЛЬЦМАНА

Углы не прорисованы.,
рассматривая лист Учитель° проронил, –
и тема
тема на уроке! –
как будто в темя метил –
прорицания прорех!

Неведомое – неминуемо

... и *притязательной* душе произнести нести
(лицом расталкивая тьму в теснине)
тиснёный –
вытесненный! –
свет:
жемчужный

(не раз отмечалось)

Июль 2006

◇ ◇ ◇

пластичная юность...
свободы клубника...

огоньками усыпано поле
собирай себе ягоду вдоволь

намытая слюда памяти
тихое золото
сосредоточенное сказание жизни,
присутствие
на языке превращений света
(бордовые какие
в рот просятся из-под листьев)

Хоффман
гений прошлого века
хиппи
сточены ржой героина
(дети цветов бля маковки мака)
моден задор одарённых мальвинов,
накипь наива (до первого страха)

знаков тепла еще не выразить
эфемерны кванты восклицаний
что до любви
в глазах увертюры лучей

поджидание неба
не довершая мысли
вспышки разместив с пробелами тьмы
именуя веления на скорости звука
(пальцы в соке)

◇ ◇ ◇

Левши что ль выгравировать на лимонной корке
сахарный узор?

не-а
пусть во рту растает

нагло лужа разлеглась
требуется через себя прыжка
(на фоне разлетающихся белых клочьев в небе
воспоминаний об асфальте
на невидимую плёнку чтобы
запечатлеть
траурные джинсы – полушпагат)

смотри ты, как нежна вода к земле!
хранит на память все земные приключения
(включая страшные
чудовищные –
огня ладони и касанье, берега в пожаре)
архив переживаний
в миллиарды дней

◇ ◇ ◇

что это было?..
вспоминай теперь
заметок походя перебирая полый звук
на вес
(неописуемо вино когда на глаз)

ряды пустот впотьмах поющих
осваивать как земли за дудой вослед
как будто никого нет рядом,
за танцем замкнутым лучей
(их свет живой, хотя и не потрогать)
следить сгорая –
мигающий букет
гамма ощущений

прокладывание пламенем пути
между линзами неизбежных догадок
баланс усилием судьбы
(уже не зелень твои годы)
труд поутру горяч и ровен
одно недоумение – где любовь?

со мною сбудется земля
пристрастны все значенья счастья –
гласила притча в книге жизни, –
огня не сосчитаешь бёдер
он и танцует и летит
седое порождение силы –
как с колокольни в книге жизни
гласила золотая притча, –
за гранью взора
за барьером –
где небо мечется в воде
зеркально время
первый день

◇ ◇ ◇

а что сказал огонь воде?
она его ведь приютила
в свитке впечатлений конечно же
не может затеряться жаркий призрак

загадка
клетки поля в разный цвет
зелёный белый синий
полконя отбрасывает полутени
за занавесом полупрозрачным,
титры, силуэты
(мы узнаваемы
но нам подобных нет)

а, это просто фильм, пошли
наловим слов цветных и строгих
они срез времени покажут
напомнят нам на что способен день
лёгкий и неосязаемый –
мираж искристый шествует простором
семена разбрасывает в борозды
сеет светоносный бисер

(движение на поле в клетку
фигуры на поступки шибки
а на зелёном не стоять)
останемся
есть что досмотреть

ИЗ ТРАКТАТА

цифры со страницы (номер)
пытался сбить щелчком
не удалось – не муха

после встряски
лица течение словами
на их поверхности дрожит
как будто часть сопровожденья,
квота голоса

пернатый тембр скорость глаз
в лучистой белизне гнездятся –
главные приметы слов,
лёд их – свет
он может растопить, но и
растаять

по звонкости, огню и цвету
(велению влаги ворожбы, гармонии
в простонародье)
они находят сами строчки,
на зов
слетаются слова –
вся моя школа

в проблески пауз
вживлять их то по горстке
то (забота сопряжённая с терпеньем)
поодиночке –
веточка взялась, не тронь, пускай окрепнет –
удовольствие следить

потом кино:
садовник (временно за кадром)
дуб –
ствол ветвистый в небо, молодая сила –
возносится преображённый
статный
шумный
облако над ним медленно плывёт
ощупывает взглядом крону
лучи листву перебирают

ВЕНЕЦ ПОРЕ

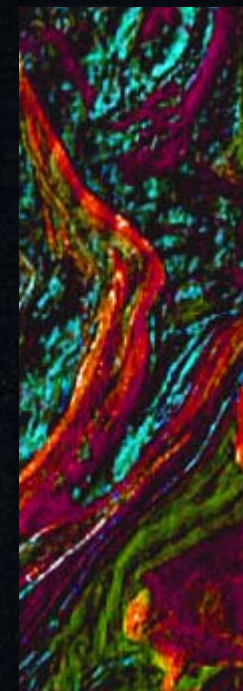
праздник хлеба
вино триумфа в шаге за углом
колышется мелодия Райха

секреты сочетаний на язык
удельная сноровка
отслеживая нравы их и вкус

далеко забрёл
(не смотри – слушай)
разворошить гнёзда света

коротание пробега невинной равниною
детский мир вплетается
(смотри – волшебен)

слоями качества сущностей
огонь в картину собран
церемониал

РИТУАЛ В КРАСКАХ

(глава из книги «Горизонты и вертикаль»)

◇ ◇ ◇

непременное
из ниоткуда
(место рождения слов)
черпая ложечкой
не спеша

ловля дыхания – игра
сутки несут строку
колечки сочетаний цепляющих
да или – кольца разные на свет –
нет
когда походка в рифму –
блаженных речи – тоже...

деликатной свободы отростки
реликт
прецедент эволюции
мутирующего сознания клипы
(полипы)

сплети невозможное
подкован иначе
тишина – в темечко
вишня ожиданий отовсюду свисает
ритуала часть

метроном
цок маниакальный
не медлит
–
мастерство пристально

черпая ложечкой
часами
снимая ягоду с дерев
попеременно

уникум тени на зыби слюды

миг условленной встречи

НА 50-ЛЕТИЕ БРАТУ МИХАИЛУ БОРИСОВИЧУ

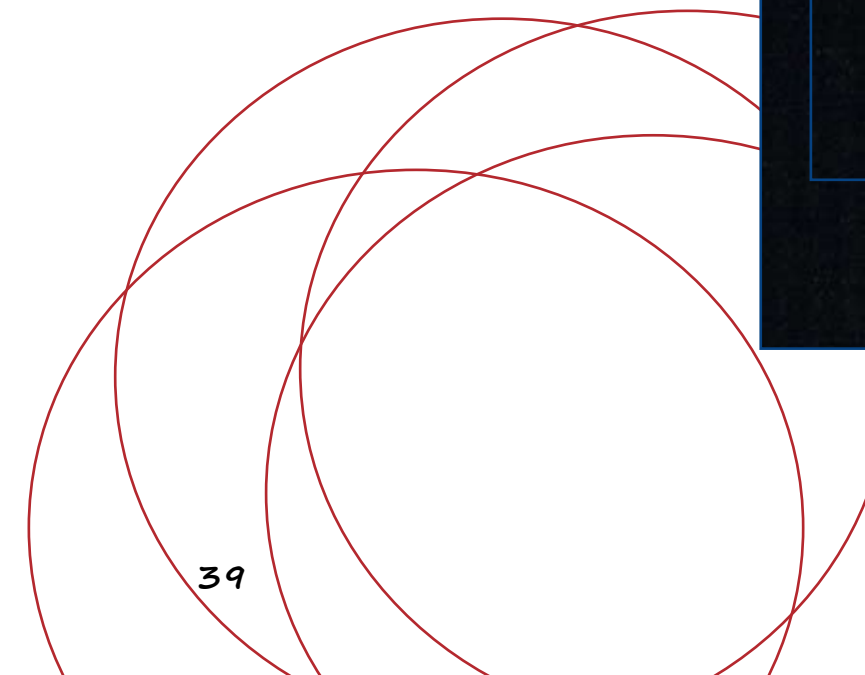
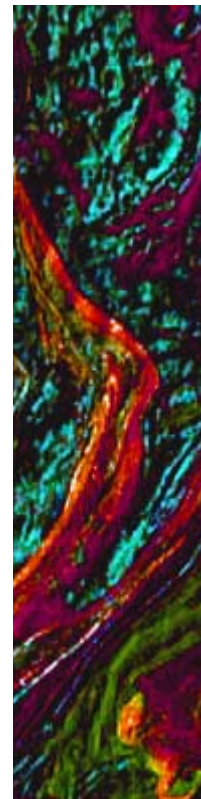
что если я скажу тебе, проснись?
что если ты коснёшься слов слюды
и обнаружишь взор нежданно?..

а что искусство как не исцеленье?
оно протягивает руку Дару
(Сикстинскую капеллу помнишь,
Перст к персту)

Вернули кисть, заметь.
Дорогу починили.
О чём просить ещё
(презренно рабство,
пускай хоть в каплях,
изыди!)

На счастье хочешь кинуть?
67 (секрет)

ну вот, держи ещё 17
и рисуй

О ПОДРАЖАНИИ ХРИСТУ

что бы мне отметить грима не смывая
(ракурс невидимки наспех
боевой раскрас)
от изобилья черпая
прямо здесь у риз?..

плавники на ловле
обрастает чешуёй рыбака значений
(хвост мелькнул)
ещё одна, другая и ещё
много рыбы
невод

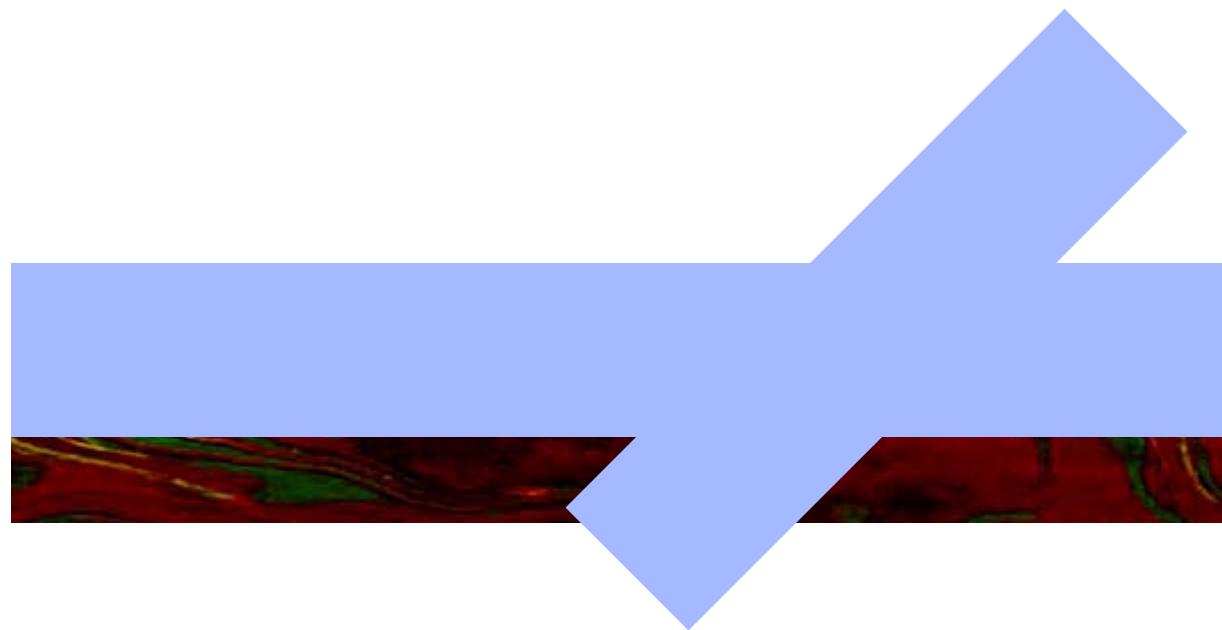
как же накормить?
готовить надо
скатерть расстелить вдоль и навзничь
посреди поляны надо
(щёкот справа)
всё от хлеба начиная с солью
до рюмок, серебра, салфеток,
котёл уже везут
(посуда мыта, Пригов? То-то же.
Ну, зазывай)

– Уха заморская! От рек ерусалимских!
Дам и господ прошу к столу!

Можно тост по ходу предвкушая
вернуть –
рассаживайтесь –
не самый громкий
с хрусталём в руке
все слышат?
За язык!
Он у нас – один.
Не так ли, Вседержитель?

За языка ячейки –
они очеловечивают страсть!
Спасибо.
Утешайтесь.

<...> а это юмор шуточки вместо
сетка слов
по ней пройти как по ковру – без
предубежденья
дотягиваясь до знамени пятерни
вложенной во длань –
свидетельство союза –
благодать!

◇ ◇ ◇

дно устлавших
перламутров урожай
заросших склизкой поросли морской щетиной
снимай
забыв о страхе слева
(не невыполнимо)

дыхания фактура...
как всегда вслепую
находишь струны запрещённые...

я коснусь момента:
близ школы где с бомжами пил не раз
гулял следить –
просторно глазу –
небосклон открытый

Луна с Юпитером уже склонялись
далеко за гранью юга
Час последний ночи
Во тьме через полнеба
(радиус того)
в сторону дворца
разрушенного вмиг землёю раздражённой
(повыше горьких вод который встал)
над городом звезда сияла –
ослепительный посланник –
с Юпитером как будто соревнуясь
(вид на подступающий рассвет)

Прохлада щекотала ноздри
улеглась на лоб
Как сосунок воздев лицо дивился –
надо ж так их разместить
вперялись чтобы
мерялись друг с другом
блеском!

◇ ◇ ◇

принесли улицу (диск)

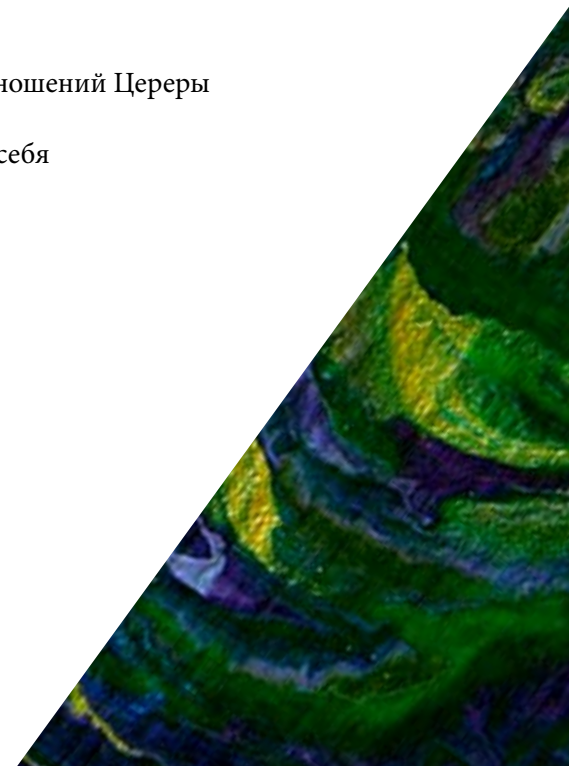
сидим слушаем
заморочисто:
телега льётся
пудра доносится
а песнопение колыхается

стекает ночь тепло присвоив...
все слушают и/или смотрят
как она стекает по ступеням отступающего света –
живость нескончаемо точна

просто улицы
тема ли думал;
орешины звука покачиваются –
на зуб мысленно обозревая изгиб

(мимики лирических запоев без потерь
не передать –
уроки курса драмы)

серпантины игры
росистая мякоть подношений Цереры
сопредельное рядом
стиль обнаруживает себя

◇ ◇ ◇

ясности соль – солнечная точность

не в ту сторону гуляем
иначе

педаль от рояля
хоть вышибай челюсти
платаны на плац пятаются
дождём умыться тихо ждут

толчея у чебуречной
(горизонталь бытия),
рабочий борщ сутолоки
на фальшивом огне восточной фамиллярности –
стигматы естества
я-я-мне-мой (жёвано)
в центре терции

одичание воздуха

гуляем
в сторону ясности

◇ ◇ ◇

опроверженье испытаниям стыдливость
(вернее отклика не жди)
земли поющей...

зрение разогрев смотрели грёзы вместе
видом делились
(не хватило рук)

ландшафт скрывает партитуру
детали – ноты
в них затаился трепет, ждёт излиться

прозрачное тепло вечности

прибрежное ощущение близости этой вечности
естественное для Средиземноморья
с чувственным его колоритом

и как нигде
химия света излучаемого словом
жертвенная зола
в рубины обернулась кровь
(по капельке угольки выковыривал)

пейзажи...
оратории земли...
неизмеримая утрата

◇ ◇ ◇

хожу лёжа в ус не дую

баклуши битые всюду
корчатся бедные
(не смешно им);
не ищи себя здесь –
копчёное время –
осипнешь

сеть натянем
повадки минут изучая
в ожидании всплеска
(гипотезой меньше, ох, уж эти ходули!)

музыки заумь: настигающий Брайана Фрипп
её испытывают буквы
они с пера струятся быстро –
привычное русло

она вплетается в канву их
порой переживая смыслы
порою пробуя улечься...

их тайна – безупречный свет
(они текут и бредят небом)

◇ ◇ ◇

втихаря рот полоскал мыл зубы
слова выпрашивал
чудо –
выдали
красную горстку
плавится

свершилось лето
пятнами сползает к югу
(следы языческой верности)

капуста стоустая гула
улица
клавиш не подберёшь без акцента
припав к ауре
не процарапаться пению
пепла пресс
память – Помпеи

А копну – красоты купоны
чаяний страстные трассы
в камне эпох оттиски
купол медного неба

утро
рождения кантата

ПРИЗНАНИЕ

<...>

не моего сердца ссадина
немо
его
стояние,
спорить не пировать –
спаривать... в раздоре

а вождение земли – возделанная почва
говорливую кровь подай
лозы полуденной солнцем налитой:
речь её терпкая тербит и пронзает
до трепета и боли в порах,
материя с бахромой потёков
на загляденье аукнется

потому, я понял,
расти трава до покоса –
знает о лозе садовник,
помнит
(не спеша
ячеистого дна зализывал растраву
прикосновений перистых полдюжины с налёту –
светом залечено)

потому –
лирики знойная нагота
камень апокалиптический улочек Иерусалима:
редкостный декор калитки – куст неопалимый
ключ к её замку –
бормотания живой ещё источник –
я замаскирую
схороню в улыбке

не обнять отсюда, знаю,
не поцеловать
милая прости –
наскоро в короткую строку
застёжки точек
.....

СВЕРШЕНИЕ

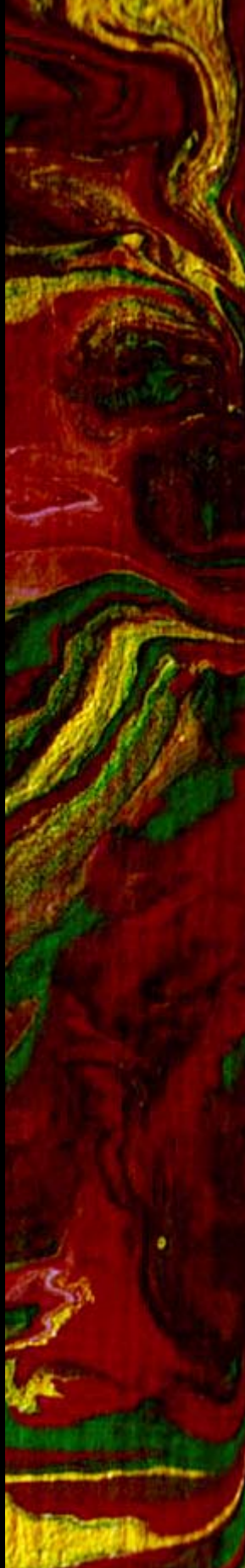
осень осторожничает
втиснулась
пробует на вкус от подношений сада,
пристально
выносливым *разглядом*
заново:

мнительное разума непостоянство
увлечений скорченная скоропись
взвешены
(порча матрицы кромешная)

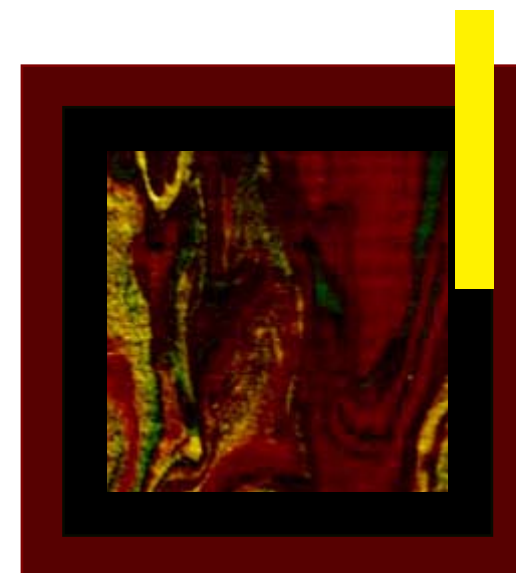
важности скважина
вся в коросте коррозии зоркой корысти
чьё нутро снаружи
чей переплёт изъеден
(выстрелом: нах)

смесь вина и смерти мумия творения
дар моё безумие
круговерти радость
пьяный опрометчив танец преждевременный
(ягоды не выгода – просветлённа память)...

осень
ясности золото

Ярослава Фаворская
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

А помнишь – мы давным-давно играли, как будто я – твоя душа.
Ты так и говорил мне – душа моя, зачем ты далеко?

Ещё играли в страшную войну
и ползали под пулями –
набили шишек, синяков и ссадин,
но после слёз забыли что к чему, кто первый начал.

Мы прятались от злых и скучных снов
и убегали от судьбы, ловили духов,
смешные повторяя заклинанья,
рвались как шарики воздушные в покойное и голубое небо,
а старый дядька, мимо проходя, твердил –
какое детство, разве это детство?

И вот мы будто постарели –
я отраженья наши в уличных витринах не узнаю.
И ты мне шепчешь – милая, сыграем, наконец, в любовь,
и я шепчу – мы до сих пор забыли про любовь...

Девочка-ангел и кукла-ундина.
Намёк ещё не ясен. Взморье.
Благословение седьмого дня.
Закат и полная луна. Молитва.

Влекущий прилив и волна,
вовлекающая неумолимо в нечто иное –
этап испытанья на гибкость и прочность.
Белокурая нимфа,
О.

Письмо Олегу Золотову (1963 – 2006)

Зачем я не училась у тебя стихосложению, понять пытаюсь, стоит ли твой дар
(уменьше преобразжать бессилие в пронзительную лёгкость)
сей жертвы, не высока ли плата – терзаемое болью тело
(ведь, глядя на тебя, казалось – иного нет пути).
В туманах городков Ганзейских, среди бандитов, банкиров, торгашей и нищих
(я там играла нераскаянную Магдалину)
жизнь порою представлялась концлагерем для нежных духом.
Меня библейская звала земля...

Ты соглашался – жить нужно там, где меньше шансов сойти с ума,
но сам душою слишком прикипел к фасадам негостеприимных ливонских замков,
к тому же был неприспособлен к переездам (даже паспорт утерян).
В чемодане среди тряпья и книг везла пачку твоих благословений и напутствий...
Ты знал, что для иных твой стих нужнее, чем воздух – запечатанной гортани?
В схватке с монстром ежедневности мнила, будто сама сильнее, чем ты
(от избияния меня щитом хранило лица нечаянное сладострастье)...

Я видела тебя сквозь изувеченное тело
жрецом Надежды ангелоподобным,
когда твой стих, вставая на пуанты, кружился
среди больниц и кладбищ.
О, лишь сейчас, когда к тебе не достучаться, поняла –
за лёгкостью такой – седьмой, подчас кровавый пот...
Теперь тебе – седьмое небо...
Пусть не переняла твой слог, зато ты объяснить сумел:
любовь – не так себе, не стопку залпом, рукавом занюхав, и забыться горько.
И только здесь, проездом в городе небесном, дошло
(уже иной дорассказал мне Мастер):
тексты как любовь – святого в них намёками касаться.

...Упали с губ твоих жемчужины и розы, и всеобщий бред
сходил на нет, наполнясь состраданьем...

А всё казалось – встретимся ещё, заварим чай, закрутим анаши,
обсудим всё, что раньше было невозможно –
прозрачность слова нанизывает, а не мыслит фразой...

... выверенным бормотаньем смущённо явить метаморфозу страха
инициация на пиру отверженных – отражение клейма
наслаждение взгляда скользнувшего в настигнутую невозможность.

 VT

В строю фиגляров ли, военнопленных
умилосердить царицу-смерть,
оплакивая сомкнутоcть ладоней
настойчивым обрядом подношения бутонной завязи
неведеньем задетой,
акцентом нерасслышанных созвучий.

Бессонный монстр скрежещет, стережёт их шаг.
Утешь меня – так зябко цепенеть,
статично превращаясь в неизбежность,
но осторожно – не сошло б с ума сердечко в коготках у птицы дерзкой.
Я буду смаковать твои страницы в плену неискущённости самой,
Чудной молитвой растворив телесность.

...Червлёный листопад. На кладбище промозглом –
 пьянящий запах тлена.
 Над усыпальницей коленопреклонённо с крылом
 отбитым...

недопонятый, недолюбленный,
не дослужен им молебен поминальный...

ГАДАНИЕ

Мне утром выпала шестая карта Таро –
LOVERS. И грёзы о тебе.
Сегодня день пройдёт под знаком сердца.
В его податливый и тёплый воск
небесный ювелир впечатал перстень с таинственными письменами –
проШТАМПовал как будто наповал.

Желания целительный допинг увлёк исследовать
сокрытые хитросплетенья в лабиринтах страсти.

Свидетель чуда – заоблачный,
простёрший руки ангел
с пурпуром крыльев, пламенем волос.

А мы, блуждая и мерца безотчётно,
влекомы призрачно дыханием признаний.

И медитацией на тему снов твоих:
за праотцом –
как будто клён морозным октябрём,
покрывшим инеем червлёную листву,
когда бы не пустыня – тень Синая.
За прародительницей –
обвивший Древо в ожидании застыв
вселенский интриган учуял цель.

...Бессильна прельстившая тебя отрада – нежность...

Не безусловна ценность сплава сладости горечи и соли –
pronзительно неясных SOSтояний.

Лена Рут Юкельсон

Четыре стихотворения

II.

когда я надеваю белый платок сестры
и вливаюсь бережно и нестерпимо
как инъекция во фрактал капилляров
как бытовая драма в заверенное резюме
ты притворяешься спящим
будто бы видишь снопы выцветших снов
не снопы нет ну пусть небольшие вязанки
ботанический сор видений
цветенье лица но на самом деле
наизнанку сестринский платок

давай дружить по-старчески, по-царски
ты будешь крошки штруделя сдувать
с воображаемого рукава
а я тебе придумывать лекарства
обозначим символы взаимной приязни
взятые с динамического потолка
– курс и состав корабля и сквозной рукав –
долгий полет достигим, но возможен не сразу

что вы делаете шакалы
шакалы говорят воем
голова гонит подминать ногу
на ловца голого поднимать руку
а ловцы братики легли обнялись
на три четверти закатаны рукава
а у младшенького на семь восьмых
тут темно не видно но так и есть
поверяем на слово внутреннюю болезнь
нарушение целостности кости
на ловца бежим в ловца влюблены
любовью нечеловеческой

я синюю тряпочку надела
и потекла текла
а потом желтую надела
и засияла яла
следом зеленую я надела
и проросла оросла
а затем я надела надела красную
и полюбила ла
после того я белую тряпочку на себя надела
и следуя тем же простым путем отношения тела к материи
умерла

Памяти Майи

С нами нет больше Майи Каганской.

Майя принадлежала к числу ярких и наиболее выразительных фигур в культурном пантеоне диаспоры русской словесности, особенно последних декад 20 века.

В 80-е годы творческая интеллигенция из новоприбывших в Израиль сплотилась вокруг тель-авивского журнала «22», одного из наиболее читаемых литературных журналов русской эмиграции. В застойной России этот журнал вырывали друг у друга из рук. Не будет преувеличением сказать, что сам по себе журнал был сплочён вокруг Майи. Каганская находилась в эпицентре вызревания идей, зачастую являясь их генератором. Она обладала удивительным даром красноречивой подачи мысли, темпераментом полемиста и здоровой нетерпимостью к банальности и скуке общих мест. Её лекции были интересны, а беседа с нею нередко превращалась в праздник постижения «вещей», сопровождаемый фейерверками «горячих» умозаключений.

Нам остаётся лишь сетовать на то, что лучшие труды Майи Каганской всё ещё неизвестны в России. Её книга о главном романе Булгакова, вышедшая минимальным тиражом, была и остаётся шедевром азартной наблюдательности и образцом отважности «следопыта», исполненным в острой авторской манере. (См.: «Мастер Гамбс и Маргарита», Т.-А., 1984). А об Ильфе и Петрове (мы имеем в виду первую часть указанного сочинения) нам такого ещё не говорили! Стил и неординарное чутьё аналитика в сочетании с неизменным чувством юмора и каскадами находок исследователя в трудах Майи порой ошеломляли. И, кажется, по сей день ошеломляют. Эти свойства нашли своё преломление, в частности, в оригинальной работе, посвящённой поиску прототипа ключевого персонажа в знаменитой сатире Булгакова «Собачье сердце». Страстное перо Майи Каганской не оставляло читателя равнодушным к её эссеистике. Немалую долю своего таланта Майя посвятила изучению жанра научной фантастики, мы помним её работы о романах братьев Стругацких и Станислава Лема.

Здесь не место заниматься перечислением трудов и публикаций Майи Каганской. Майя ушла. Это тяжёлая утрата для русского Израиля, это безусловная потеря для ивритоязычной общественности страны, а литературоведение лишилось клада – виртуозного ума!

Редакция сборников «Знаки Ветра» выражает глубокое соболезнование семье, близким и друзьям покойной и всем поклонникам её таланта.

